

Слушай песню ветра

1

«Такой вещи, как идеальный текст, не существует. Как не существует идеального отчаяния».

Это сказал мне один писатель, с которым я случайно познакомился в студенчестве. Что это означает на самом деле, я понял значительно позже — а тогда это было неплохим утешением. Идеальных текстов не бывает — и все.

Тем не менее, как только дело доходило до того, чтобы написать что-нибудь, на меня накатывало отчаяние. Потому что круг возможных тем был ограничен. Например, про слона я еще мог что-то написать, а вот про то, как со слонем обращаться, — уже вряд ли. Такие дела.

Восемь лет передо мной стояла эта дилемма. Целых восемь лет. Срок немалый.

Но пока учишься чему-то новому, стареть не так мучительно. Это если рассуждать абстрактно.

С двадцати с небольшим лет я все время стараюсь жить именно так. В ответ — бессчетные оплеухи, не-

Харуки Мураками

понимание, обман, но в то же время — и драгоценный опыт. Приходили какие-то люди, заводили со мной разговоры, с грохотом проносились надо мной, как по мосту, и больше не возвращались. Я же сидел тихо, даже рта не открывал. И так встретил последний год, который оставался мне до тридцатника.

А сейчас думаю: дай-ка расскажу.

Конечно, это не решит ни одной проблемы, и, боюсь, после моего рассказа все останется на своих местах. В конце концов, тексты пишутся не для самоисцеления, а только ради слабой попытки на этом пути.

Однако, честно все рассказать чертовски трудно. Чем больше я стараюсь быть честным, тем глубже тонут во мраке нужные слова.

Я не собираюсь оправдываться. По крайней мере, лучше я пока написать не могу. Прибавить нечего. А еще вот что я думаю. Вдруг, забравшись в будущее — на несколько лет или даже десятилетий, — я обнаружу, что спасен? Тогда мои слоны вернутся на равнину, и я найду для мира слова красивее нынешних.

*

В сочинении текстов я многому научился у Дерекы Хартфильда. Можно сказать, всему. Сам Хартфильд, к сожалению, был писателем во всех

Слушай песню ветра

отношениях бесплодным. Если читаете, сами увидите. Корявый текст, дурацкие темы, неуклюжие сюжеты. Однако, несмотря на все это, он был из тех немногих писателей, которые могли из текста сделать оружие. Современникам — таким, как Хемингуэй или Фицджеральд, — он определенно не уступал в боевой выправке. Просто ему, Хартфильду, до конца дней не удавалось найти противника. Собственно, в этом и состояло его бесплодие.

Восемь лет и два месяца он вел эту бесплодную битву, а потом умер. Солнечным воскресным утром в июне 1938 года, держа в правой руке портрет Гитлера, а в левой — зонтик, он прыгнул с крыши «Эмпайр-Стейт-Билдинг». Его смерть, равно как и жизнь, особых разговоров не вызвала.

Первая книга Хартфильда попала мне в руки случайно — они не переиздавались. Я заканчивал тогда среднюю школу и страдал от кожной болезни в паху. Книгу мне подарил дядя, а через три года он заболел раком кишечника. Его искромсали вдоль и поперек, напихали пластиковых трубок во все входы и выходы — он намучился и умер. Когда я в последний раз видел его, он напоминал хитрую обезьянку, коричневую и сморщенную.

Харуки Мураками

*

Всего у меня было три дяди — еще один умер в предместьях Шанхая. Через два дня после окончания войны он наступил на им же закопанную мину. Единственный дядя, оставшийся в живых, стал фокусником и ездит с выступлениями по курортам.

*

Хартфильд так высказался о хорошем тексте: «Процесс написания текста есть не что иное, как подтверждение дистанции между пишущим и его окружением. Не чувства нужны здесь, а линейка». («Что плохого, если вам хорошо?», 1936 г.)

Зажав в руке линейку, я начал робко осматриваться. Дело было в год смерти президента Кеннеди — выходит, прошло уже пятнадцать лет. Целых пятнадцать лет я был занят тем, что выкидывал всё и вся. Как из самолета с отказавшим мотором для облегчения веса выбрасывают сначала багаж, потом сиденья, а в конце концов — несчастного бортпроводника, — так и я пятнадцать лет выкидывал всякую всячину. Но взамен почти ничего не получил.

Нет уверенности, что я все делал правильно. Стало легче, это да — но жутко при мысли о том,

Слушай песню ветра

что останется от меня, когда придется встретить смерть. После кремации — неужели одни косточки?

«Когда душа темна, видишь только темные сны. А если совсем темная — то и вовсе никаких». Так говорила моя покойная бабушка.

В ночь, когда бабушка умерла, я протянул руку и тихонько закрыл ей веки. В это мгновение сон, который она смотрела семьдесят девять лет, тихо закончился, как короткий летний дождь, бивший по мостовой. Не осталось ничего.

*

И еще насчет текста. Последний раз.

Создание текста для меня — процесс мучительный. Бывает, за целый месяц ничего путного из себя не выдавить. Еще бывает, что пишешь три дня и три ночи — а написанное потом все истолкуют как-нибудь не так.

Но вместе с тем, писать текст — это штука веселая. Ей гораздо легче придать смысл, чем преодолению жизни.

Когда подростком я обратил на это внимание, то так удивился, что целую неделю ходил обалдевший. Казалось, стоит чуть пошевелить мозгами,

Харуки Мураками

как весь мир поменяет ценности, время потечет по-другому... Все будет, как я захочу.

То, что это ловушка, я обнаружил значительно позже. Разделив блокнот линией на две половины, я выписал в правую все, чего достиг за это время, а в левую — все, что потерял. Потерял, растоптал, бросил, принес в жертву, предал... До конца перечислить так и не смог.

Между нашими попытками что-то осознать и действительным осознанием лежит глубокая пропасть. Какой бы длины линейка у нас ни была, эту глубину нам не промерить. Все, что я могу передать на бумаге, — не более, чем перечень. Никакой не роман, никакая не литература — вообще не искусство. Просто блокнот, разделенный надвое вертикальной чертой. А что до морали — ну, может, немножко будет и ее.

Если же вам нужны искусство и литература, читайте греков. Ведь для того, чтобы родилось истинное искусство, совершенно необходим рабовладельческий строй. У древних греков рабы возделывали поля, готовили пищу и гребли на галерах, а горожане в это время предавались стихосложению и упражнениям в математике под средиземноморским солнцем. И это было искусство.

Слушай песню ветра

А какой текст может написать человек, посреди ночи роющийся в холодильнике на пустой кухне? Только вот такой и может.

Это я о себе.

2

История началась 8 августа 1970 года и закончилась через 18 дней — то есть 26 августа того же года.

3

— ВСЕ БОГАТЫЕ — ГОВНЮКИ!

Крыса выкрикнул это мрачно, упираясь локтями в стойку и повернув голову ко мне.

Не исключено, что слова предназначались какой-нибудь кофемолке у меня за спиной. Я сидел рядом, и специально орать необходимости не было. Так или иначе, но после вопля Крыса принял довольный вид и снова принялся за пиво.

Впрочем, никто вокруг и не слышал, как Крыса кричал. Тесное заведение было битком набито посетителями, и все орали точно так же. Зрелище напоминало тонущий пароход.

Харуки Мураками

— Паразиты! — сказал Крыса и тупо помотал головой. — Они ведь, сволочи, сами ничего не могут. Как увижу богатую харю, так прямо с души воротит.

Я кивнул, не отрываясь от стакана со слабым пивом. Крыса замолк и уставился на свои тощие пальцы, поворачивая руки то так, то этак — будто грел у костра. Я смиренно поднял глаза к потолку. Пока он не проведет ревизию всех десяти пальцев, одного за другим, разговора не получится. Всегда так.

За лето мы с Крысой выпили 25-метровый бассейн пива и покрыли пол «Джейз-бара» пятисантиметровым слоем арахисовой шелухи. Если бы мы этого не делали, то просто бы не выжили, такое скучное было лето.

Над стойкой «Джейз-бара» висела гравюра, вся выцветшая от табачного дыма. Когда бывало нечем заняться, я глазел на нее часами, и она не надоедала мне. Изображение на ней подошло бы для теста Роршаха. Я, например, видел двух зеленых обезьян — они сидели друг напротив друга и перекидывались двумя сдутыми теннисными мячиками.

Слушай песню ветра

Когда я сказал об этом бармену Джею, он внимательно посмотрел на гравюру и флегматично произнес:

— Обезьяны так обезьяны...

— А ты что видишь? — допытывался я.

— Левая обезьяна — это ты, а правая — я. Я бросаю тебе пиво, а ты мне — деньги.

Я допивал пиво под глубоким впечатлением от сказанного.

— Тошнит меня от них!

Это Крыса закончил инспекцию своих пальцев и вернулся к разговору.

Богатых Крыса ругал не в первый раз — он их и вправду ненавидел. Сам был из семьи далеко не бедной — но, стоило ему об этом напомнить, отвечал: «Я же не виноват, что так вышло!» Иногда (чаще — перебрав пива) я говорил: «Нет, ты виноват!» — и после чувствовал себя препоганом. В словах Крысы все же была доля истины.

— А знаешь, почему я богатых не люблю?

В тот вечер Крыса решил развивать тему. Так далеко этот разговор еще не заходил.